

УДК 8.81-2

Терентьева В.К.*Институт востоковедения РАН, г. Москва***ЯПОНСКИЕ ТАБУ: ОТ МИФОВ ДО ШАМАНИЗМА**

Аннотация. В центре внимания автора статьи – понятие табу, которое впервые зародилось из мифов и веры в сверхъестественные силы. Рассматриваются японские мифы о зарождении мира, о вере в богов, а также о посредниках между людьми и богами – шаманами и жрицами, которые владели определёнными ритуалами для связи с другим миром. В статье представлен лингвистический анализ табуированной лексики, которая использовалась жрицами в храмовом комплексе Исэ в древний период. В выводах суммируются основные положения исследования: на примере языковых табу можно наблюдать процессы регулярной замены (обновления) лексики языка, накопления лексики и обогащения языка синонимичными средствами.

Ключевые слова: табуированная лексика, японские мифы, эвфемизмы, шаманизм, котодама.

V. Terentyeva*Institute of Oriental Studies, Moscow***JAPANESE TABOOS: FROM MYTHS TO SHAMANISM**

Abstract. The article discusses the concept of taboo, which was first born from myths and belief in supernatural forces. The paper refers to the Japanese myths about the origin of the world, faith in the gods as well as the intermediaries between men and gods - shamans and priestesses, who knew special rituals to communicate with the other world. The paper presents a detailed linguistic analysis of ancient Japanese taboo words that were used by the priestesses in the temple complex of Ise in ancient period. The general conclusion is that language taboos are an example of language replacement and innovations process.

Key words: taboo words, Japanese myths, euphemisms, shamanism, kotodama.

Понятие *табу* означает 'то, что делать нельзя', или, другими словами, *запрет*, который зародился вместе с появлением человечества, имплицитно включая и всевозможные языковые запреты. В Библии есть эпизод, в котором описывается первое совершённое преступление (его называют первородным грехом). В данном эпизоде показано, какой смысл в себе несёт понятие «табу». Запрет – защита тер-

ритории (области) Бога. Бог, для того чтобы отграничить свои знания от других, создал систему, подвластную только ему. Когда Адам и Ева нарушили запрет и, как боги, стали различать Добро и Зло, Бог выгнал их из Рая и наделил их человеческими качествами.

Миф об Адаме и Еве имеет сильное сходство с окинавскими преданиями на острове Коури. Таканори Синтани в своей книге даёт описание этого мифа:

«В давние времена на острове Коури появились мужчина и женщина. Жили они вдвоём совершенно нагие. Каждый день с неба падали рисовые лепёшки, которыми они питались. Но однажды лепёшки перестали падать на землю. И тогда эти двое с мольбой воспели к небесам. Но во второй раз лепёшки с неба не упали. И пришлось им питаться только моллюсками с морского побережья, так как другой морской живности не было. Но однажды они нашли морских коньков в процессе полового сношения. И так узнали об этом. И в тот момент они поняли, что совсем нагие, застыдились и рассказали всё богам» [11].

Отказ богов дать пищу людям является своего рода табу, которое в данном случае отождествляется с первоначальным грехом. Сам запрет на еду не является табу, тогда как отказ богов людям выражает запрет.

Все табу японского языка берут своё начало с древних мифов, записанных в древних памятниках Кодзика (古事記), Нихон Сёки (日本書紀), Манъёсю (万葉集), Энгисики (延喜式) и Норито (祝詞) [1].

В японской культуре понятие табу также рождается из мифа о появлении мира. В этом мифе Идзанами, родив бога огня, удалась в «Страну Жёлтых Вод». Идзанами спустился к ней в мир мёртвых. Но к тому времени Идзанами уже «отведала пищи с очага Страны Жёлтых Вод», иными словами, она навсегда стала обитателем этой страны и не могла вернуться в мир живых [4]. Для примитивного мышления разделить пищу или питьё с кем-либо означало то же, что вступить в особые магические отношения.

Слова богини Идзанами «не изволь на меня смотреть», когда Идзанами спустился к ней в царство тьмы, несомненно, отражают определённое запрещение (табу), связанное с мёртвыми: живые не должны смотреть на них. Идзанами, чтобы разглядеть свою жену – Идзанами, отломил зубец гребня и зажёл его как факел. При свете этого факела он увидел, что Идзанами уже мертва и тело её разложилось, то есть он соприкоснулся со смертью и тем самым осквернил себя. С тех пор существует запрет – люди, живущие в мире, избегают зажигать ночью только один светильник и выбрасывать ночью гребень [4].

Когда Идзанами вернулся из нечистой страны, он должен был совершить «очищение». Он говорит: «Мими-но мисоги сэму», дословно – «совершу очищение тела». «Мисоги» означает «очищаться». «Мисоги» – древний религиозный обряд, совершаемый при помощи воды, причём именно речной воды. Это слово издавна употреблялось в связи с религиозным обрядом «хараэ». «Хараэ» – богослужение, совершавшееся в целях очищения от преступления, осквернения или для избежания несчастья. Однако «хараэ» возникло независимо от «мисоги». Другое значение этого слова – приношение богам, совершаемое преступником с целью очиститься от преступления, а также и сами приносимые богам предметы. Таким образом, «хараэ» имеет более широкое значение, чем «мисоги» [2].

В отличие от большинства других народов, которые представляют мифы как следы младенческого состояния их культуры, многие японцы воспринимают свои мифы как отражение реаль-

ности. И эти мифы прочно вплетены в ткань синто – в его обряды, церемонии и представления о богах. *Ками*, или божества, являются неотъемлемой частью японского мировоззрения. Они наполняют всё вокруг, спускаясь в вертикальной проекции и вселяясь во всё живое. Именно поэтому японцы так чтят природу. По мнению Ё. Хамасуна, люди рассматривали богов в дуальной системе, то есть и как зло, и как добро, и как скверну, и как очищение. И из-за того, что боги населяли всё вокруг и имели неограниченную силу, люди старались ограничить их влияние на себя, используя разнообразные запреты. Связь с богами сулила благополучие, но связь эта была опасной, и в сакральных местах в определённое время она могла принести беду. Явление табу как религиозного запрета тесно связано с представлением о магической функции языка и речи, то есть с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка [3]. Представление о природной связи между предметом и его названием породило отождествление предмета и слова, которое и сейчас существует в бытовом сознании людей. Как отмечает Ё. Хамасуна, ещё в дописьменные времена у японцев появилось представление о так называемой *котадама* 言霊, или «душе слова» [7]. Согласно этому представлению, слова были не просто средством коммуникации, а заключали в себе мистическую силу творения, позволяющую воздействовать на мир и изменять ход событий. Все предметы возникают благодаря способности *котадама* к творению. Поэтому люди использовали слова для исполнения желаний, наступления благоприятных событий. Естествен-

но, что в таком представлении слова, связанные со скверной, могли принести беду, и поэтому их старались избегать. Суеверная боязнь магического действия слова породила запрет на прямое наименование. Устраняя из речи настоящие имена лиц и предметов, человек верил, что затрудняет доступ к ним злых духов. Репертуар таких запрещённых сущностей и явлений был довольно широк и включал имена богов, духов, демонов, умерших, название смерти и болезней, многих животных, огня, солнца, луны, частей и отправления человеческого тела. Прямые средства их номинации оказывались разрешены только жрецам или шаманам, что порождало в целом деление слов на общие и сокровенные.

Возможность связи и обмена со сверхъестественным ранее реализовывалась благодаря шаманам и шаманизму. Для того чтобы шаман вошёл в контакт со сверхъестественным, ему требовалось использовать много своей духовной силы. А для обмена информацией со сверхъестественным шаману приходилось исполнять различные обязанности. Он был пророком. Шаман мог излечивать от болезней, предсказывать будущее, но в то же время шаман мог входить в очень необычное духовное состояние для контакта с духами, которое называлось трансом. Такой вид поведенческой ситуации назывался «憑衣» (*хё:и*), что означало «быть одержимым». То есть шаман вызывал, к примеру, духа воды и заставлял свою душу отделиться от физического тела. И сам контакт этих душ являлся наивысшем уровнем коммуникации, который определял «одержимость» шамана. Душа, отделившаяся от физического тела и попавшая в мир

духов, называется «脱魂» (*даккон*) – *отделившаяся душа* [9]. В регламентированном обществе судьба шамана была сосредоточена в руках общества. Неудач у шамана быть не должно, он следовал всегда по указанному обществом курсу, что и привело к расцвету шаманизма. Общество контролировало все функции шаманов. Но в то же время и общество не могло обходиться без шамана, иначе оно пришло бы в упадок, наступил бы кризис и хаос [6].

К примеру, в ряде деревенских общин Рюкю ещё сохранилась традиция шаманок, которые во время обряда (подготовка к которому включает месяц горного отшельничества, поста и очищения) становятся одержимы богом-предком деревни (то есть сами становятся им на время обряда). Как утверждают шаманки-жрицы, речи богов не всегда бывают ритмизированы; их слова, являющиеся к шаманке, пребывающей в состоянии глубокого транса, особые и загадочные. Такие слова носили запретный характер, так как были связаны с богами. Поэтому часто бывает так, что эти тексты при повторении приходится распространять и удлинять. Л.М. Ермакова, изучая работы японского филолога Масимо А., пришла к выводу, что короткий текст восходит к речению божества, рождающемуся в сознании шаманки. Поскольку в состоянии транса шаманка находится в бессознательном состоянии, произносимые ею слова требуют соответствующего истолкования, которые может совершить либо интерпретатор при шамане, либо сама шаманка после выхода из состояния одержимости [3].

Несмотря на множество классификаций шаманской практики, многие

исследователи настаивают на том, что это не просто несколько разноречивых местных практик, а разные традиции внутри совокупности ранних религиозных форм. Разные методы принимались в зависимости от сакрального места.

В японской литературе хорошо известен и описан пример табуирования лексики из свода обрядов *Энгисики* X в. Судя по тексту, табуирование практиковалось жрицами-принцессами в главном синтоистском храме Японии, в Исэ, где совершаются обряды в честь богини Солнца Аматэрасу Ооками (богиня Солнца). Такая жрица во времена раннего Хэйана выбиралась из незамужних дочерей императора, если же таковых не было, то с помощью гадания на панцире черепахи назначали девушку из более отдалённой императорской родни. В одном из мифов говорится, что когда монахи решили принести буддизм в Японию, они встретили препятствие в лице богини Солнца [5]. Перед тем, как избранная дочь правителя выезжала в храмы из столицы, на семи дорогах вокруг города проводились обряды изгнания скверны. Если кто-нибудь во дворце (даже собака) умирал, то вновь проводилась церемония великого очищения, а отъезд откладывался. В день отъезда император втыкал жрице в волосы гребень со словами не оборачиваться по дороге, иначе это могло привести к скорой смерти правителя. В целом её подготовка занимала около трёх лет. Жрицам Исэ вменялась замена слов, связанных с буддизмом, наравне со словами, связанными со скверной. Скорее всего, слова табуировались из-за того, что буддизм более ассоциировался со смертью, похоро-

нами [3]. Такие табуированные слова из регламента жриц храма Исэ называются *ими-котоба* / 忌詞, букв. «слова, которых следует избегать» [9]. Табуированные слова делились на две группы: внешние – связанные с буддизмом (*Будда, пагода, храм, сутры, монах, монашеская трапеза*) и внутренние, так или иначе связанные со смертью (*смерть, болезнь, кровь, кровь, причитания, избиение, мясо*). Вместо них должны были употребляться разрешённые “подставные” слова, эвфемизмы [3]. Рассмотрим исходные запрещённые слова и попробуем определить возможные лингвистические мотивы выбора замещающих их лексических единиц.

Вместо имени Будды *Хотокэ* / 仏, принятого у буддистов, использовалось слово *накаго* / 中子, букв. «сердцевина, середина», по месту центрального расположения его статуи в храме [10]. Сутры назывались *сомэ-ками* / 染紙, букв. «крашенная бумага». Для номинации выбран характерный признак свитков с сутрами – они писались на жёлтой бумаге.

Пагода *то* / 塔 называлась *арараги* 阿良良支 («тисс»), очевидно, по внешнему сходству башни с деревом. Буддийский храм назван *каварабуки* / 瓦葺き, букв. «крытый черепицей» [9] – по его конструктивной особенности: в отличие от синтоистских храмов, крыша которых была крыта травой и кипарисовой корой, буддийские храмы покрывали черепицей. Это одновременно и указание на богатство храма. Сам буддийский храм или зал храма назывался метонимически *коритаки* или *ко:таки* / 香焼き («возжигание благовония»), от практики воскуривать в буддистских храмах

благовония и ароматические палочки для молитв.

Траурные причитания *наки* / 鳴, 哭 назывались *сио-тарэ* / 潮垂れ, что буквально означает «промокший в солёной, морской воде» (*сио* — *соль, морская вода*), в переносном значении «истекающий слезами, заплаканный». Здесь присутствует и игра слов, поскольку фонетическая форма *сио-тарэ* допускает переразложение *си-о-тарэ* / 死を垂れ, букв. «проливать смерть». (Отметим, что и в современном японском языке есть примеры избегания слов, в фонетическом составе которых можно вычленить единицы с нежелательными значениями. Так, современные этикетные нормы запрещают дарить больному цветы цикламены *сикурамен* – первые два слога омонимичны словам *си* («смерть») и *ку* («страдание») – и сайнелии *сайнэрия* – начальное *сай-нэ* может быть интерпретировано как «снова слезь», – как и вообще цветы с корнем, так как *нэ* («корень») омонимично глагольной форме *нэ* («лежать».)

Буддийский монах вместо *со* / 僧 назывался *ками-нага* / 髮長, букв. «длинные волосы», а буддийская монахиня вместо *ама* / 尼 называлась *мэ-ками-нага* / 女髮長, букв. «женщина – длинные волосы». Если посмотреть на статую Будды, то нельзя не заметить выпуклость на его голове, называемую *ушниша*. Одни авторы относят ушнишу к веяниям моды того времени, когда волосы укладывали в тюрбан. С научной точки зрения ушниша являлась своего рода признаком просветления существа, говорящим об обретении высшего всеведения. Будда, имея длинные волосы, не позволял своим последователям носить длин-

ные волосы. Это было связано с тем, что волосы в буддийской философии, подобно магнитной ленте, записывают всю информацию о человеке, все его мысли и поступки. Но принимая обеты, монах обрезает волосы и отказывается от своей прошлой мирской жизни, обретая новое рождение. «Монах – длинные волосы» можно отнести к антономазии, то есть номинации человека по его уникальному атрибуту. Более того, длинные волосы были признаком принадлежности к высокому роду. Не каждый простолюдин мог стать монахом.

Монашеская трапеза *ймои, токи / 齋* называлась уничижительным словом *катадзики / 片食, 片膳* (от *ката* – «неполноценный; незначительный, небольшой» и *дзики* – «пища», т. е. использовалась сниженная синонимическая замена). Миряне, следующие пути Будды, вместо санскритского заимствования *убасоку / 優婆塞* назывались *цуно-хадзу / 角筭* («надрезы на луке, куда крепится тетива»); мотивация выбора этого эвфемизма неясна.

Отдельного рассмотрения заслуживает понятие смерти и связанные с ним явления, в частности болезни, ранения, похороны и др. Даже в современном японском мировоззрении человек, участвующий в церемонии похорон, считается осквернённым (хотя при посещении кладбища он не получает скверну) [3]. Поэтому для японцев очень важно пройти так называемое «очищение от скверны». Человек, посетивший похороны, считается осквернённым. Прежде чем войти в свой дом, он должен посыпать себе плечи мелкой солью, а также бросить немного соли на землю и ступить на неё ногами, чтобы очиститься сверху и

снизу и не принести в дом скверну. Пакетик с солью получает каждый участник похоронной церемонии перед уходом домой.

Само название смерти предписывалось заменять глаголом *наору (манъ-ёгана / 奈保留)*, букв. «исцеляться, исправляться, возвращаться в прежнее состояние», вероятно, по общему признаку «изменение состояния» [9]. Другим вероятным мотивом выбора этого эвфемизма может быть антонимичная замена «умереть» – «излечиться». Добавим также, что в современном японском языке накоплено немало эвфемизмов для смерти, начиная с общеизвестного *наку нару* (букв. «исчезать») и заканчивая такими, как *усуру / 薄る* (букв. «исчезать, пропадать»), *иноти о отосу / 命を落とす* (букв. «потерять жизнь»), *о какурэ ни нару / お隠れになる* (букв. «соизволить спрятаться»), *о мукаэ га куру / お迎えが来る* («за кем-л. пришли»), *камуагару / 神上がる* (букв. «боговозноситься (о человеке высшего сословия)» [9]).

Вместо слова со значением «болезнь» жрицами Исэ использовалось отглагольное существительное *ясуми / 夜須美* («отдых»), видимо, по общему семантическому признаку «временное прекращение работы».

Название крови *ти / 血* заменялось на *асэ / 阿世* («пот»), скорее всего, по признаку жидкости, выступающей на теле. Добавим, что по представлениям японцев нечистым является всё связанное с пролитием крови, ср.: *кэ-гарэ / 汚れ* («скверна») и этимологически связанное с ним *кэга* («рана»).

Могильный холм *хака / 墓* назывался *цутикурэ / 土塊* («комочек земли») по метонимическому переносу «земляной холм» – «земля».

Вместо глагола *уцу* / 人打 («бить, избивать»), как связанного со смертью (наказание плетью), использовался глагол *надзу* / 奈津 («гладить»), по семантической близости (контакт с телом) и, возможно, одновременно как антонимичная замена.

Мясо диких животных *сиси* / 宍, как связанное с умерщвлением, также табуировалось и заменялось на *кусабира* / 草片, букв. «полевая трава». [8]. Мотивация замены неясна. По мнению Ё. Хамасуна, эта замена связана с представлением японцев о том, что все растения сакральные, потому что в любое из них могло спуститься божество (в вертикальной проекции); они старались их не портить, чтобы избежать зла от духов. Растения для японцев были чем-то вроде сигнала, который показывал, довольны ли боги, или нет. Не берёмся оценивать это объяснение; заметим только, что обращение к названиям растений довольно характерно для древнеяпонского поэтического языка, и нельзя исключать чисто эстетической мотивации выбора эвфемизма.

Добавим также, что древнеяпонское слово *сиси* («мясо») окончательно вышло из употребления (за исключением связанных форм типа *иносиси* («кабан»)) и в современном японском языке заменено китаизмом *нику* / 肉; не исключено, что и *нику* в своё время было эвфемизмом.

Известный нам по тексту *Энгисики* список табуированных слов и эвфемизмов, скорее всего не был исчерпывающим для своего времени, но уже его достаточно, чтобы составить представление о разнообразии языковых способов подбора замещающих слов.

Не все из рассмотренных эвфемизмов сохранились в современном языке

(не сохранились, однако, и многие исходные подвергшиеся табуации слова). Большой интерес представляют не сами конкретные замены, а языковые модели, по которым они совершаются. Следует отметить, что в случае табу выбор замещающего слова может быть мотивирован различными факторами. Мы постарались показать, какие языковые средства прямо или косвенно используются для создания эвфемизма.

Часть замещающих номинаций можно отнести к хорошо изученным тропам, таким как метафора и метонимия. Внешнее сходство объекта с другим объектом может быть использовано для метафорической номинации (пагода как *тисс*). Наличие у объекта идентифицирующей части или атрибута, по которым он легко опознаётся, позволяет использовать соответствующее название метонимически для указания на весь объект (*благовония* = *молельня*, *цветная бумага* = *сутры*, *кусочек земли* = *курган*, *волосы* = *монах*, *черепица* = *храм*).

Особо нужно отметить возможность указания на предмет по ассоциативной связи или категориальной общности двух слов (*пот* = *кровь*, *отдых* = *болезнь*). Такая связь может быть опосредованной: *соль* = *слёзы* = *плач*. В некоторых случаях мотивация неоднозначна или «непрозрачна» и требует дальнейшего изучения (напр., почему *полевая трава* = *мясо*?).

Особенно интересны антонимичные модели образования эвфемизмов («излечиться» вместо «умереть», «гладить» вместо «бить»). Подобные замены используются и в современном японском языке; ср. замену глагола *сору* («брить»), созвучного жаргонно-

му суру («проиграть (на скачках)»), антонимичным непереходным (!) глаголом *атару* («выпасть (о выигрыше)»); напр.: *хигэ о атаримасё* («усы вам побрить?»). Такие эвфемистические замены проводят к появлению у слов трудно предсказуемых значений, не связанных прямыми деривационными отношениями с остальными значениями. Эти случаи требуют специального лексикографического описания с привлечением табуированных слов, заменяемых данным. На примере языковых табу в древнеяпонском языке можно наглядно наблюдать обновление словаря путём замены табуированных слов на эвфемизмы. Такие обновления могут неоднократно повторяться для одних и тех же понятий, приводя к регулярной замене лексики и исчезновению заменённых слов либо к накоплению лексики и обогащению языка синонимичными средствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глушкина А.Е. Заметки о японской литературе и театре (древность и средневековье). М.: Наука, 1979. 296 с.
2. Ермакова Л.М. Речи богов и песни людей: мифо-ритуальные истоки японской литературной эстетики. М: “Восточная литература” РАН, 1995. 272 с.
3. Ермакова Л.М. Ритуальные и космологические значения в ранней японской поэзии // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. Сер. «Исследования по фольклору и мифологии Востока». М., 1988. С. 61-83.
4. Кодзики [Записи о деяниях древности]: Свиток 1-й / Пер., коммент. Е.М. Пинус. СПб.: Шар, 1994. 320 с.
5. Кодзики [Записи о деяниях древности]: Свитки 2-й и 3-й / Пер., предисл. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994. 289 с.
6. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: Восточная литература, 1984. 304 с.
7. Хамасуна Ёсия. Тайна веры в имикото-ба и котодама [忌み言葉と言霊信仰の不思議]. Токио: Мираися, 2007. 145 с.
8. Хори Итиро. Нихон-но сяманидзуму (Японский шаманизм). Токио: Тикума Сёбо, 1971. 203 с.
9. Ко:дзиен. [広辞苑] / Толковый словарь японского языка / под ред. Симмуры Идзуру. Токио: Иванами Сётэн, 2008. 2988 с.
10. Кокуто дайджитэн. [国語大辞典] / Большой толково-энциклопедический словарь родного языка. Токио: Гаккэн, 2002. 2270 с.
11. Takanori Shintani. Nihonjin no tabū. Japan: Intelligence, 2003. – 147 с.